

КРАСНЫЙ КОМАНДИР

Этому человеку установлены памятники в Украине и в России, есть они и в Беларуси (хотя и поскромнее), в его честь названы город, улицы в ряде населенных пунктов в разных государствах. А ведь мало кто помнит, что Николай Щорс, как сказали бы сегодня, являлся этническим белорусом. Впрочем, он был общим героем советского народа, прославившимся в годы Гражданской войны...

ЧЬИ ВЫ, ХЛОПЦЫ, БУДЕТЕ?

А начиналось все в конце XIX века, когда отец будущего легендарного красного командира Александр Иванович отправился на заработки из Минской губернии в Черниговскую. (Надо сказать, что одноименные сегодняшние области это вовсе не губернии царских времен. В тогдашнюю Минщину входили и Новогрудок, и Пинск, и Мозырь, а Черниговщина включала в себя юго-запад современной Брянщины). По дороге прибил к плотницкой артели таких же отходников. Осели в казачьем селе Новосовка. Незадолго до того в этих местах пролегла на юг железная дорога от уездного тогда Гомеля, на глазах превращавшегося в крупный железнодорожный узел. На пересечении магистрали с рекой Снов, притоком Десны, поднялся мост, возле которого стал стремительно расти поселок, названный по имени речки Сновском. Пришлые белорусы рубили дома и сараи, неплохо зарабатывали. Вроде как и далеко уехали, да новые пути сообщения позволяли при необходимости без особых проблем добраться до родных мест, чтобы навестить своих. Под Кореличами до сих пор здравствует деревня Щорсы, откуда и происходит род знаменитого красного командира (а вообще, согласно семейным преданиям, Щорсы попали на белорусские зем-

ли откуда-то из-за Карпат в середине XVIII века, спасаясь от османского гнета; скорее всего они были сербами или хорватами). Чувствовать себя как дома позволяло и то, что говор местных на севере Черниговщины тогда мало отличался от белорусского. Так что врастали в здешнюю землю корнями быстро и основательно.

Пришло время, и Александра Щорса призвали в армию. Отслужил и вернулся в Сновск, женился на Александре, дочери главы артельщиков Михаила Табельчука, который к тому времени перешел слесарить в депо. Повенчались в августе, а зимой уже переехали в собственный дом – доходы позволяли. В 1895 году у молодоженов родился первенец, которого назвали Николаем (всего детей в семье было пятеро). Впрочем, семейное счастье было недолгим. Когда будущий комдив учился в церковно-приходской школе, умерла мать. Болела туберкулезом, поехала на родину, в Столбцы, и скончалась. Там и была похоронена.

КТО ВАС В БОЙ ВЕДЕТ?

После окончания школы Николай Щорс поступил в Киевскую военно-фельдшерскую школу, из которой вышел с правами вольноопределяющегося (так в старой России называли добровольно поступившего на воинскую службу после получения высшего или среднего образования) в июле 1914 года, в канун Первой мировой войны. С ее началом назначен фельдшером в отдельный mortarный дивизион. Затем служба в запасном пехотном батальоне, после – учеба в военном училище, откуда Щорс выходит прапорщиком. В сентябре 1916 года он снова отправляется в действующую армию на Румынский фронт. Мало сказать, что воевал Николай Александрович хорошо, даже лихо, смелый был человек. Дослужился до подпоручика, но в мае 1917-го заболел туберкулезом, был эвакуирован в тыл на лечение, а в декабре его демобилизовали.

За это время произошли февральская, а за ней и Октябрьская революции. Вернулся Щорс в Сновск, где власть принадлежала местному совету. По злой иронии судьбы будущего красного командира дома едва не арестовали. Виной всему — золотые офицерские погоны. Но он успел спрятаться.

Обстановка менялась стремительно. Был подписан Брестский мир, русская армия разошлась по домам, и по железным дорогам покатили в глубь страны солдаты рейхсвера, оставляя в городах Украины и Беларуси гарнизоны. Появились они и на Черниговщине. Каково же было фронтовикам видеть, как их недавние противники, не выиграв войны, пришли к ним оккупантами, как грабят население, вывозя в изголодавшуюся Германию продовольствие. Кстати, нетерпимым такое положение было и для чешских легионеров из числа попавших или сдавшихся в русский плен солдат австрийской армии, готовившихся воевать с войсками центральных держав на стороне России. В марте 1918-го недалеко от Сновска, под Бахмачем, они таки вступили в бой с немцами и лишь затем с приключениями отправились домой через Урал, Сибирь и Дальний Восток.

Оружия у вчерашних окопников хватало — они начали собираться в отряды самообороны. Командиром одного из них и стал отважный бывший поручик Щорс. Слух о лихом «полевом командире» ширился. К нему приходили все новые бойцы. Брал не всех, предпочитал фронтовиков.

Первое серьезное столкновение партизан с германцами произошло в первых числах апреля у городка Злынка, нынешнего райцентра на Брянщине, что на самой границе с Беларусью. Немецкие солдаты генерала Гофмана наступали от Гомеля по железной дороге и вдоль нее, а также по лесным дорогам. Партизаны послали разведчиков к Добрушу и Речице, но нужных сведений к началу боя так и не получили. А у противника сил оказалось больше, чем предполагалось: кроме немцев пришлось отбиваться и от перешедших ранее на их сторону поляков из корпуса Довбор-Мусницкого, сформированного по инициативе Временного правительства для борьбы... с немцами (такова «логика» хаоса

Великой Смуты, когда сегодняшний союзник завтра становился врагом и наоборот). Численный перевес позволил оккупантам выйти победителями. Отходили с боями на Новозыбков, а оттуда уже поездом остатки отряда добрались до Унечи.

БОЕВОЙ 18-Й ГОД

Название этого города на Брянщине хорошо знают в нашей стране. Именно здесь нефтепровод «Дружба» разделяется на два потока: Унеча-Полоцк и Унеча-Мозырь. Впрочем, в далеком 1918-м никто и не представлял, что здесь проляжет «труба». Но уже тогда здесь проходила стратегическая колея Полесской железной дороги, ведущая из Брянска в Гомель. Построенная за четверть века до описываемых событий по велению Александра III, предвидевшего большую европейскую войну, она очень пригодилась, когда эта война действительно грянула.

Унече суждено было сыграть особую роль в судьбе Николая Щорса. В апреле все того же 1918 года большевистское правительство подписало с сидевшим в Киеве германским клиентом гетманом Скоропадским договор, согласно которому определялась пограничная полоса, соответствовавшая рубежу максимального продвижения немецких войск на восток. Между Советской Россией и оккупированной территорией Украины пролегла нейтральная зона. Отряд Щорса совершал вылазки за демаркационную линию, устраивал засады и налеты на немецкие гарнизоны. Возник конфликт между германскими властями и Советами. Отряд Щорса расформировали. Тогда же в Поволжье началось восстание чехов, которое подняли те самые легионеры, что остановили немцев под Бахмачем, и Николай Александрович уехал бороться с мятежниками. Тем временем на новой границе на железных дорогах действовали контрольно-пропускные пункты. Одним из таких бойких и людных пунктов и стала Унеча. Жизнь здесь была ключом: бурлил

Красноармейцы
на станции Унеча.
1918 год

черный рынок, всюду орудовали спекулянты, действовала таможня, из западных губерний бывшей империи сюда стремились сочувствующие большевикам, чтобы проследовать дальше на советскую территорию. А из центральных областей России через Унечу на Запад ехали «классово чуждые элементы», не принявшие революцию. Ими вплотную занималась унечская чрезвычайка: вооруженный отряд ЧК для Унечи большевики сформировали зимой 1917/1918 г. в основном из китайцев и казахов, ранее нанятых и привезенных Временным правительством на железнодорожные работы. Руководила им уроженка Новозыбкова Фрума Хайкина. Чекисты конфисковывали золото и драгоценности у тех, кого считали буржуями, товары и продукты – у спекулянтов, крестьян, объявленных кулаками, разгоняли стихийные рынки, ловили немецких и гетманских «шпионов», каленым железом выжигая контрреволюцию.

Фрума Хайкина (Щорс). 1918 год.

О «товарище Фруме» сохранились воспоминания современников. Вот что писал, например, один из местных жителей: «Это была решительная и смелая женщина. Она разъезжала в седле на лошади, в кожаной куртке и кожаных штанах, с маузером на боку, который при случае пускала в дело». Из Москвы в западном направлении через Унечу тогда довелось пробираться не только безымянной «контре», но и известным людям, например, писателям Аркадию Аверченко и Тэффи. Они тоже познакомились с «товарищем Фрумой» и тоже оставили воспоминания. Юморист Аверченко в своем пародийном письме к Ленину писал: «На Унече твои коммунисты приняли меня замечательно. Правда, комендант Унечи – знаменитая курсистка товарищ Хайкина сначала хотела меня расстрелять. – За что? – спросил я. – За то, что вы в своих фельетонах так ругали большевиков». Тэффи: «Х[айкина] – молодая девица, курсистка, не то телеграфистка – не знаю. Она здесь всё. Сумасшедшая – как говорится, ненормальная собака. Зверь, – выговорил он (один из тех, кто уже встречался с Ф. Хайкиной) с ужасом и с твердым знаком на кон-

це. – Все ее слушают. Она сама обыскивает, сама судит, сама расстреливает: сидит на крыльчке, тут судит, тут и расстреливает». Есть еще словесный портрет этой героини от известной писательницы: «Сама широкая. Плоское лицо тускло, точно губкой провели по нему. Ничто не задерживает внимания. И нет глаз, нет бровей, нет рта – все смазано, сплыло. Ничего «инфернального».

Сохранились фото молодой Фрумы. С них смотрит очень даже симпатичная женщина. Отчего же Тэффи ее так? Может, от страха?

В сентябре 1918 года в Унечу возвращается Щорс и сразу же начинает формировать из отдельных партизанских отрядов и добровольцев Первый Украинский Советский полк, позже получивший имя черниговского атамана-полковника Ивана Богуна. К нему толпами идут с оружием жители окрестных сел.

Исторически со времен Хмельничины, приняв в ней деятельное участие, многие здешние жители показались. Окрестные территории входили на протяжении многих десятилетий в состав особой малороссийской административной единицы Гетманщины – Стародубского полка (равной по территории сегодняшней средней области), который в свою очередь делился на сотни (районы).

В конце XVIII столетия екатерининская реформа унифицировала административное деление юго-запада страны с общероссийским. Казачья верхушка влилась в состав дворянства империи, казаки так и остались числиться в казачьем сословии, но стали лично свободными государственными крестьянами. Впрочем, воспоминания о вольнице продолжали жить, передаваясь от отца к сыну.

Вот в основном из такой публики, прошедшей к тому же фронтами Первой мировой, и собирал Николай Александрович свое воинство. Дело, казалось, шло неплохо. И вдруг... «Вечером 21 сентября в политотделе собрался весь командный состав. К докладу готовился Н. Щорс. Собрание еще не началось, как вдруг тишину поселка разрезала пулеметная очередь. Послышались винтовочные выстрелы. В Богунском пол-

ку начался мятеж. Мятежники окружили помещение политотдела, штаб полка, ворвались в кабинет Н. Щорса, объявив его арестованным. Щорсу удалось бежать через окно. К 23 часам мятежники разгромили ЧК, арестовали несколько командиров, захватили штаб полка, вокзал, телеграф, разогнали ревком, разрушили железнодорожный путь...» (из воспоминаний унечского железнодорожника Ф. Васеко).

Что же послужило причиной недовольства? Из воспоминаний все того же Ф. Васеко: «Ввиду близости фронта стали появляться переодетые офицера и генералы для эмиграции, каковых до 200 человек было расстреляно. В то же время в Унече появилась с отрядом китайцев некто Хайкина, каковая своими суровыми мерами навела страх не только на спекулянтов и эмигрантов, но и на Богунский полк красногвардейцев (многих из солдат расстреляла). Каковые восстали и желая убить ее и китайцев, но она, бросив бомбу в отряд солдат, бежала». Чрезмерная жестокость красных, расстрелы по поводу и без заставили вчерашних фронтовиков, вкусивших от плода вернувшейся вольницы, повернуть против них оружие.

Молодым, смелым, энергичным, находчивым Николаю и Фруме повезло – остались живы. Критический момент сблизил их, вскоре они поженились.

Возмущение богунцев подавили красные войска. Срочно было созвано общее собрание коммунистов Унечской РКП(б). Собрание постановило Богунский полк разоружить, офицеров ночью арестовать. Кого-то расстреляли, кто-то ушел домой, остальных удалось призвать к порядку. С анархией было покончено. При политотделе была немедленно создана комиссия по проверке социального состава всего полка. Каждый боец, каждый офицер принял приязнь. Проблем больше не было.

ДАН ПРИКАЗ ЕМУ: НА ЗАПАД!

А тем временем в Германии произошла революция, о необходимости которой так много говорили большевики. 10 ноября Щорсу передали срочную телеграмму Председателя Совнаркома Ленина, адресо-

ванную всем пограничным Совдепам и сообщавшую о германских событиях: «Очень вероятно, что все это будет скрыто от германских солдат на Восточном фронте и на Украине. Всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами доведите эти факты до сведения германских солдат». Сообщили. По всей демаркационной линии начались братания вчерашних врагов. В селе Лыщици 13 ноября побратались с солдатами рейхсвера богунцы.

В тот же день, 13 ноября, В. И. Ленин послал срочную телеграмму в Унечу: «Председателю Унечской РКП(б) Иванову. Благодарю за приветствие всех. Особенно тронут приветствием революционных солдат Германии. Теперь крайне важно, чтобы революционные солдаты Германии приняли немедленно действительное участие в освобождении Украины. Для этого необходимо, во-первых, арестовать белогвардейцев и власти украинские, во-вторых, послать делегатов от революционных войск Германии во все войсковые германские части на Украине для быстрого и общего их действия за освобождение Украины. Время не терпит. Нельзя терять ни часа. Телеграфируйте тотчас, принимают ли это предложение революционные солдаты Германии».

Судя по всему, не приняли. А задумано было по-ленински гениально и просто одновременно: использовать бывшего врага против врага нынешнего, а дальше видно будет. Во всяком случае, о массовом участии немецких военнослужащих в походе Щорса ничего не известно. А он начался по мере того, как немцы отправлялись от Унечи через Гомель эшелонами домой, оставляя оккупированные города и села. Вместе с богунцами в наступление в составе 1-й Украинской советской дивизии перешел и Таращанский полк Василия Боженко. Противостояли им, после бегства из Киева гетмана Павла Скоропадского, отряды

Группа командиров 1-й Украинской советской дивизии. В центре – Сергей Петриковский. Ноябрь 1918 года

головного атамана Украинской директории Петлюры. Такая терминология при обозначении должностей этих персонажей не случайна. Оба они тоже происходили из казачьего рода, а первый был еще и правнуком знаменитого гетмана Ивана Скоропадского, бывшего до того Стародубским полковником и оставшимся верным Петру I после измены Мазепы. Украина в годы Гражданской войны переживала своеобразный неоказачий ренессанс, вызванный к жизни еще свежими тогда легендами, слышанными от дедов, и записями о сословной принадлежности в церковных книгах.

Таращанцы взяли Стародуб и через Климово двинулись на Городню. Богунцы шли на нее, заняв Клинцы, Новозыбков, Злынку. Затем были с боями взяты Седнев, Сновск. После дивизия освободила древнюю столицу Северщины Чернигов. Николай Александрович сам водил по замерзшей Десне батальон в атаку. После взятия Чернигова пополнившуюся дивизию ждала реорганизация: полки, число которых увеличилось, свели в две бригады. Щорс стал комбригом. Наступление на Киев продолжалось, петлюровцы предпочли, не принимая боя, оставить город. Щорса назначили комендантом Киева и наградили почетным оружием. Должность оказалась хлопотной. С наступлением темноты повсеместно начиналась стрельба, участились грабежи, убийства. На фронте Николай Александрович чувствовал себя на своем месте. Вскоре дивизия опять тронулась на запад: с 6 марта по 15 августа 1919 года Щорс уже командовал 1-й Украинской советской дивизией, которая в ходе стремительного наступления освободила от

петлюровцев Житомир, Винницу, Жмеринку, разбила главные силы петлюровцев в районе Сарны – Ровно – Броды – Проскуров. Но затем вступила в войну Польша, перешли в наступление войска генерала Галлера, координируя свои действия с

войсками Петлюры, с юга семимильными шагами шел Деникин, и ситуация изменилась не в пользу советских отрядов. В конце лета Щорс уже командир укрупненной 44-й стрелковой дивизии, которая обороняла Коростенский железнодорожный узел, что обеспечило эвакуацию Киева. В боях под Коростенем 30 августа комдив Щорс погиб. Так на 25-м году закончилась полная приключений жизнь «украинского Чапаева».

ГОЛОВА ОБВЯЗАНА, КРОВЬ НА РУКАВЕ

Но и «приключения» мертвого Щорса тоже достойны, чтобы о них рассказать. Начало похорон было пышным. Забальзамированное тело везли в цинковом гробу в специальном траурном поезде. Поначалу родственники хотели похоронить его в Клинцах, куда прибыл эшелон с почетным караулом. Но затем почему-то комдива предали земле далеко от этих мест... в Самаре. По одной из версий, так пожелала супруга, поскольку боялась, что фронт покатится на восток, и могилу комдива могут осквернить петлюровцы.

В волжский город Щорса привезли уже в товарном вагоне и похоронили на православном кладбище безо всякой помпы. Ночью. Скромно салютовали.

Вскоре Самару взяли белые, но обошлось без надругательств над мертвым комдивом. А потом могилу... просто потеряли: земля просела, надгробие исчезло.

27 марта 1935 года в «Правде» появился очерк писателя Всеволода Вишневского о Щорсе. Кроме того, его фамилия была включена в перечень героев Гражданской войны в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Городские власти Куйбышева (так к тому времени стала называться Самара) спохватились. Начались поиски места погребения, но закончились они ничем.

Вторая попытка была предпринята в 1949 году. Из Москвы в Куйбышев пришло указание отыскать могилу героя Гражданской, ставшего к тому времени легендой, и поставить на ней памятник. На этот раз повезло: нашлся свидетель похорон, состоявшихся 30 лет назад. Он привел представительную

Командиры 1-й Украинской советской дивизии у гроба командира полка Василия Боженко. Николай Щорс на фото 4-й справа, Иван Дубовой — 6-й справа. 19 августа 1919 года

комиссию к проходной Куйбышевского кабельного завода, на территории которого когда-то находилось кладбище. Копать начали возле стены электроцеха. Вскрыв несколько захоронений, обнаружили цинковый гроб с останками Николая Щорса. Когда крышку гроба подняли, присутствовавшие увидели, что тело прекрасно сохранилось. Можно было разглядеть портретное сходство покойного с его фотографиями при жизни. Но на открытом воздухе труп начал быстро разлагаться. Краскома перезахоронили на другом кладбище, над новой могилой возвели монумент.

Следует добавить, что до этого была судебно-медицинская экспертиза. Она установила, что «повреждения черепа нанесены пулей нарезного огнестрельного оружия... Входным отверстием является отверстие затылка справа, а выходным – в области левой теменной кости... Следовательно, направление полета пули – сзади наперед и справа налево... Можно предположить, что пуля по своему диаметру револьверная... Выстрел был произведен с близкого расстояния, предположительно 5-10 шагов». Но ведь это круто меняет дело. Если результаты верны (а причин им не верить нет), то получается, что Щорса... убили свои. Но почему? Кому это было нужно? Точного ответа на эти вопросы нет до сих пор.

Щорса убили, когда он находился среди преданных богунцев. Свидетелей было много, и все подтверждали лишь героическую версию гибели любимого командира. Однако от них же, в неофициальной обстановке, исходила и версия о том, что пуля была пущена кем-то из своих. Кем? В том последнем бою рядом со Щорсом в окопе, когда пуля попала ему в голову, лежал командир кавбригады 44-й дивизии Сергей Петриковский. Противник вел шквальный пулеметный огонь, и это заставило Щорса и сопровождавшего его Ивана Дубового, заместителя начдива, залечь. Был еще некий Павел Танхиль-Танхилевич, политинспектор, прибывший из штаба 12-й армии в 44-ю дивизию по распоряжению Сергея Аралова – члена реввоенсовета 12-й, и временно исполняющего должность командира 14-й армии, а также на-

чальника разведуправления Полевого штаба Реввоенсовета республики. Аралов ненавидел Щорса и любил регулярно напоминать подчиненным, что его, Аралова, назначил лично Троцкий. Ставленник Льва Давыдовича, посетив 44-ю дивизию, писал в отчете, что богунцы – сборище бандитов. И хоть полномочия были даны, арестовать Щорса тогда побоялись. Поэтому предвидеть появление доверенного человека Аралова в дивизии Щорса было нетрудно.

Танхиль-Танхилевич утверждал, что Щорса убил вражеский пулеметчик. Однако сразу после гибели начдива политинспектор приказал забинтовать мертвому голову и не разрешил ее разбинтовывать.

По прошествии стольких лет сложно судить о тех роковых событиях. Но вот то, что талантливого комдива убили те, кто был с ним по одну сторону фронта, нельзя не признать фактом. Вот что говорил по поводу гибели Щорса в интервью одной из радиостанций его внучатый племянник (внук младшей сестры Николая Александровича, Екатерины), московский журналист Александр Дроздов: «К сожалению, придется сразу отместить версию официальную. Помнится, когда мне исполнилось 16 лет, состоялся разговор с моей бабушкой, покойной Екатериной Александровной, которая осторожно стала вводить меня в курс дела по поводу того, что в действительности произошло с ее братом».

Виктор ПРИХОДЬКО ■

Фрума Ефимовна Щорс со своими приемными сыновьями – белорусскими мальчиками, родители которых погибли в боях с немецко-фашистскими захватчиками. 1946 год